

В. Чернов

**Памяти Н.К.
Михайловского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Чернов**
Памяти Н.К. Михайловского / В. Чернов – М.: Книга по Требованию, 2015. –
94 с.

ISBN 978-5-458-54754-3

ISBN 978-5-458-54754-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

за каждымъ кустомъ ее подкарауливали хищные звѣри и ядовитые гады...

Правительство уже готовилось извести крамолу до тла, вырвать ее съ корнемъ. Его литературные прислужники зорко сторожили каждый шагъ молодого движенія, чтобы при первой крупной ошибкѣ накинуться на него изъ подъ своихъ литературныхъ подворотень. И, наконецъ, поводъ былъ поданъ. Дѣло Нечаева показалось темнымъ сплавъ прошлаго удобнымъ случаемъ, чтобы, затѣявъ публичный процессъ, погубить въ глазахъ общества новое направленіе, взваливъ на него всѣ индивидуальныя грѣхи „нечаевщины“... Ударъ, казалось, былъ нанесенъ рѣшительно и вѣрно. На помощь правительству пришелъ здѣсь и огромный, не больной талантъ Достоевскаго, когда-то пострадавшаго по дѣлу кружка петрашевцевъ, нравственно искалѣченнаго каторгой, впавшаго въ мистицизмъ и воображавшаго себя новымъ пророкомъ великой православной миссіи славянства. Своимъ яркимъ перомъ онъ изобразилъ жертвъ революціи, какъ невѣжественныхъ безумцевъ, порвавшихъ съ народной правдой, чужихъ русской душѣ, оторвавшихся отъ истинной національной подопки и превратившихся въ беспочвенныхъ „общечеловѣковъ“, въ комичныхъ *citoyens du monde civilisé*. Въ своихъ „Бѣсахъ“ онъ уподобилъ картину краха нечаевского дѣла евангельской картинѣ о тѣхъ бѣсахъ, которые вошли въ стадо свиней и заставили ихъ броситься въ море и потонуть. Такъ встрѣчены были первыя жертвы правительственной репрессіи 70-хъ годовъ...

„Отечественныя Записки“, въ лицѣ Михайловскаго, смѣло выступили въ качествѣ идейнаго представителя людей, на которыхъ обрушилась эта постыдная травля. Въ пѣломъ рядѣ статей Михайловскій показывалъ, что трудовыя основы жизни нашихъ, эксплуатируемыхъ классовъ и вытекающіе изъ этихъ основъ элементъ народной психологіи и міросозерцанія какъ разъ и дають то, что, въ своемъ логическомъ развитіи и научной обосновкѣ, составляетъ позоримый Достоевскимъ общественный идеалъ известной части русской интеллигенціи. И въ отвѣтъ на указаніе, будто она „оторвалась отъ народной правды“ и навязываетъ народу какія

то чуждыя его жизни выдумки, Н. К. Михайловскій писалъ: „Если бы вы, г. Достоевскій, ближе познакомились съ позорнымъ вами социализмомъ, вы убѣдились бы, что онъ совпадаетъ съ нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, элементами народной русской правды“. Въ отвѣтъ на упрекъ, что интеллигенція—чужая народу, Михайловскій смѣло поднималъ брошенную перчатку и заявлялъ, что чужда она народу лишь постольку, поскольку она еще принадлежитъ къ старому міру насилія и эксплуатаціи, въ которомъ родилась и воспиталась, поскольку она не успѣла проложить дорогу къ рабочимъ массамъ черезъ пропасть, вырытую вѣками. „Мы—я говорю „мы“, потому что вмѣняю себѣ въ честь стоять въ рядахъ этихъ ситюев'овъ — мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноваты яркій и ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглащаетъ лучшіе соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, мы не хотимъ ея въ будущемъ... Мы пришли къ мысли, что мы — должники народа, и ставимъ эту мысль во главу угла и нашей жизни, и нашей дѣятельности...“ На взглядъ Достоевскаго выходило такъ, будто поразившіе общественное вниманіе „новые люди“ суть какіе то самодуры-эгоисты, желавшіе навязать всей Россіи свою волю, свою гнилую фантазію. Михайловскій показывалъ, что на дѣлѣ имѣеть мѣсто какъ разъ противоположное—истинные подвиги самоотреченія. „Вы смѣтаетесь надъ великимъ Шигалевымъ и несчастнымъ Виргинскимъ за ихъ мысли о предпочтительности социальныхъ реформъ передъ политическими. Это характерная для насъ мысль, и знаете-ли, что она значить? Для „обще-человѣка“, для ситюев'а, для человѣка, вкусившаго плодовъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла, не можетъ быть ничего соблазнительнѣй свободы политической, свободы совѣсти, слова, устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мыслей (политическихъ сходовъ) и пр. И мы желаемъ этого, конечно. Но если всѣ связанная съ этой свободой права должны

только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка, — мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы! Да будутъ сѣи прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности расчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ“!

„И если бы вы знали, г. Достоевскій“ — заканчиваетъ Д. К. свою статью — „какъ мучить иногда совѣсть бѣдныхъ Чюупе'овъ, признающихъ свой долгъ, особенно *въ виду того, что кредиторъ и не сознаетъ себя кредиторомъ*... Если бы вы знали, какъ мучительно напрягается иной разъ ихъ мысль, *взвѣшивая способы погашенія долга*“!

Какъ сдѣлать, чтобы эксплуатируемый рабочій народъ созналъ себя кредиторомъ буржуазно-монархическаго общества? Какъ сдѣлать, чтобы онъ грозно потребовалъ обратно свое отъ этихъ должниковъ, нагло пздѣвающихся надъ своимъ кредиторомъ? Какъ лучше всего могутъ „погасить свой долгъ“ передъ рабочимъ людомъ тѣ, кто сознаютъ себя должниками? Таковы были „проклятые вопросы“, вставшіе передъ молодымъ поколѣніемъ. И на эти вопросы должна была давать отвѣтъ литература, которую въ это самое время гравили выжлятники самодержавія, которую безжалостно обрубали, втискивая въ прокрустово ложе и превращая ее — говоря словами Некрасова — въ „бѣдную, въ крови, кнѹтомъ избѣченную Музу“...

Да не легкая это была обязанность — быть идейнымъ центромъ, взявшимъ на себя задачу охраны въ легальной русской литературѣ интересовъ юной революціонной Россіи. Тѣмъ болѣе нелегкая, что просыпавшееся общественное сознание было еще такъ незрѣло, а всѣ безобразія самодержавно-дворянско-чиновничьей Руси, быстро сроднившейся въ процессѣ взаимоприспособленія съ буржуазной плутократіей, такъ били въ глаза, что всякая оппозиціонная идеология, всякій, даже самый крошечный источникъ свѣта въ окружающемъ мракѣ могъ сойти за солнце. И культурническое толченіе воды въ ступѣ политически индифферентнаго, но благожелательнаго обывателя; и полувершковый либерализмъ помѣщика-земца, который самъ не зналъ, чего онъ хочетъ — „не то конституціи, не то севрюжины съ хрѣномъ“; и либерально-консервативныя шатанія еще не

осознававшей себя политически буржуазии; и расхоже-либеральное фронтное безпочвенных межеумков и литературных флюгеров; и двусмысленные вздохи о „народной правде“ эпигонов вырождающегося славянофильства; и хамелеоновскія рѣчи переодѣтыхъ реакціонеровъ о „народной политикѣ“; и „самобытничество“, впадающее въ реакціонный націонализм; и реакціонный націонализмъ, маскирующийся самобытничествомъ— всё эти теченія разставляли кавказско-глухо или предательски-хитро свои сѣти для уловленія „малыхъ сихъ“. Въ окружающей тѣмѣ не только „сіяніе мѣднаго таза либерализма“, но даже любая сальная свѣча могла порой сходить за солнце разума и свободы...

Н. К. Михайловскій явился въ легальной литературѣ тѣмъ опытнымъ рулевымъ, который твердою рукою ведетъ утлую ладью нарождающегося социальное-политическаго самосознанія между подводныхъ скаль, шхеръ и заливовъ, оканчивающихся непроходимыми тупиками, въ открытое море широкой и смѣлой социальной борьбы... Онъ выдержалъ безчисленное количество битвъ съ врагами социализма; онъ выдержалъ не ма мало битвъ и съ его близорукими друзьями, заблудившимися въ лабиринтѣ тогдашней социальное-политической дѣйствительности и увлекающихъ за собою, сбивавшихъ съ истинной дороги другихъ...

То было время, когда съ одной стороны стояли чистые „пропагандисты“ - лавристы, съ другой — „бунтари“ - бакунисты. Одни бросались въ крайность почти культурническаго, методическаго умственнаго перевоспитанія въ социалистическомъ смыслѣ народа; другіе перегибали палку въ противоположную сторону, отрицая всякую пропаганду, требуя лишь агитаціи, революціонныхъ „поступковъ“, вовлеченія народа въ революціонное движеніе заразительной силой примѣра. т. е. спорадическихъ волненій, хотя бы на чисто экономической почвѣ. Не было выработано даже сознанія необходимости прочной, стройной *организации* революціонныхъ силъ. Не было широкаго синтеза различныхъ методовъ дѣятельности и борьбы. Работали разрозненно, анархи, -7е, ски-партизански. Въ одной части революціонеровъ достигала своего апогея идеализація народа, и на революціонную интел-

лигенцію возлагалась исключительно обязанность „формулировать“ то, что уже создано самим народомъ; формулировать и бороться вмѣстѣ съ народомъ за его уже понятные имъ, ближайшіе, непосредственные интересы. Зарождалось стремленіе пассивно приспособляться къ данному уровню народнаго самосознанія, ступшевывать тѣ пункты программы, которые въ это самосознаніе пока не укладывались, или укладывались лишь съ большимъ трудомъ. Словомъ, съ „народомъ“ — т. е. прежде всего деревенскимъ народомъ — происходили въ революціонной мысли все тѣ же шатанія (чистый пропагандизмъ, агитація, экономизмъ, „хвостизмъ“, отсутствіе организаціи, пренебреженіе политикою и т. д.) которая впоследствии она повторила вокругъ пролетаріата, въ періодъ марксизма — этого народничества наизнанку. Изъ этихъ шатаній, изъ этого броженія лишь медленно, лишь съ большимъ трудомъ выработывался широкій, разносторонній и цѣлостный революціонный синтезъ, воплотившійся вскорѣ — сначала въ „Земль и Воля“, затѣмъ въ логически изъ нея разившейся „Народной Воля“...

И здѣсь заслуживаетъ глубокаго вниманія публицистическая дѣятельность Михайловскаго. Рѣзче, чѣмъ кто-нибудь, возсталъ онъ противъ рабскаго приспособленія къ „мнѣніямъ народа“. Безпощаднѣе, чѣмъ кто-нибудь, онъ показывалъ, что исторически сложившіяся „мнѣнія народа“ часто противорѣчатъ „интересамъ народа“. Въ борьбѣ раздѣлившей нашу литературу на два лагеря подъ знаменемъ двухъ этихъ формулъ, онъ ярко доказывалъ весь вредъ, всю нелѣпость идолопоклонства передъ народомъ; доказывалъ, что святы для насъ только его *интересы*, поскольку они являются „интересами труда“ и ведутъ въ своемъ логическомъ развитіи къ борьбѣ за царство труда, т. е. социализма. Это не означало, конечно, барски-пренебрежительнаго отношенія къ народу. Михайловскій говорилъ, что, поскольку жизнь массъ проникнута трудовымъ началомъ и его интересами, постольку мятущейся интеллигенціи, лишь съ трудомъ стряхивающей „прахъ стараго міра“ со своихъ ногъ, есть къ чему прилѣпиться душой, есть на что опереться въ этой сермяжной массѣ, — но есть съ чѣмъ ей и бороться въ

міросозерцаніи и психологіи народа, есть что сообщить, дать ему... „И только изъ взаимодействія *его* и *нашего*“ — писалъ Н. К. — „и можетъ возникнуть вождѣленный новый періодъ русской исторіи... О, еслибы я могъ утонуть, расплыться въ этой сѣрой, грубой массѣ народа, утонуть безповоротно, но сохранивъ тотъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть на счетъ того-же народа! О, если-бы и въ всё, читатели, пришли къ тому-же рѣшенію, особенно тѣ, у кого свѣточъ горитъ ярче моего и вообще свѣтло и безъ копоти... Какая бы это вышла иллюминація и какой великій историческій праздникъ она отмѣтила бы собою! Нѣтъ равнаго ему въ исторіи“...

Если вопросъ о приспособленіи къ политическимъ воззрѣніямъ народа (въ крайнемъ, карикатурномъ видѣ дошедшемъ въ единичной, впрочемъ, попыткѣ Стефановича дѣйствовать, не брезгуя приманкой царскаго имени) обсуждался въ легальной литературѣ въ превращенномъ видѣ — руководиться ли только „интересами“ или и „мнѣніями“ народа? то тяжба между началами „пропаганды“ и „агитаціи“ на ея эзоповскомъ языкѣ фигурировала въ видѣ спора о томъ, считать ли „умъ“ или „чувство“ главнымъ „факторомъ прогресса“. И тутъ Михайловскій выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ воплотившагося позднѣ революціоннаго синтеза, съ негодованіемъ протестуя противъ этой „вредной и нелѣпой тяжбы“ между „умомъ“ и „чувствомъ“. Такъ, напри- мѣръ, онъ въ одной изъ статей наглядно рисуеъ нормальное отношеніе между различными элементами дѣятельности въ программѣ освободительнаго движенія. Онъ беретъ въ примѣръ освободительную борьбу болгаръ противъ турокъ, оговариваясь, однако, что „картина будетъ не вполне соотвѣтствующей дѣйствительному положенію вещей въ Болгаріи; такъ, онъ предполагаетъ, что „болгаре“ въ его примѣрѣ имѣютъ „огромный численный перевѣсъ надъ турецкими угнетателями“, но что лишь „чувство независимости въ болгаряхъ такъ слабо, что имъ и въ голову не приходитъ мысль о полной возможности сбросить турецкій гнетъ“. Словомъ, онъ очень недумyslенно даетъ понять, что рѣчь идетъ совсѣмъ не о „вѣшнихъ“, а о нашихъ соб-

ственныхъ, домашнихъ, „внутреннихъ туркахъ“, и что въ образѣ болгаръ угнетенные фигурируютъ исключительно по той-же самой причинѣ, по которой въ русской беллетристикѣ первый типъ активнаго борца, пришедшаго на смѣну „лишнимъ людямъ“, облекся въ плоть болгарина Инсарова; или потому же, почему мелко-либеральную нашу прессу въ ту же эпоху заполняли „шопотъ, робкое дыханье“ и вздохи о томъ, почему русскій царь „не даетъ намъ того, что онъ далъ болгарамъ“, понимай—конституціоннаго государственнаго устройства...

Итакъ, на этомъ примѣрѣ Михайловскій разбираетъ выраженіе въ легальной литературѣ мнѣніе народниковъ—бунтарей, что не пропаганда, а лишь заразительный примѣръ частныхъ возстаній создаетъ революціонную готовность въ народѣ—или, въ переводѣ на языкъ тогдашней легальной литературы „не распространіе идей независимости, а только поступки, внушаемые чувствомъ независимости, развиваютъ и усиливаютъ это чувство“. Михайловскій безжалостно высмѣивалъ всю узость и упрощенность такой политической конструкціи. Онъ обращалъ вниманіе и на то, что горсть людей „можетъ сама совершить подобныя поступки, и не добиться ничего, если въ массѣ (гипотетической „болгарской“) націи... чувство независимости слабо“; что „сама нація должна совершать поступки“; что этого то и нужно добиваться распространеніемъ идей, разъясненіемъ болгарской (читай „русской“ Ю. Г.) націи всего ужаса и позора ея положенія“; что такое распространіе идей есть также „поступокъ“, и угнетатели своими дѣйствіями прекрасно показываютъ, что хорошо понимаютъ это. Онъ указывалъ на другое громадное препятствіе для борьбы—на неорганизованность тѣхъ, кто долженъ бороться: они „не только непосредственно слабы чувствомъ независимости; они невѣжественны и потому естественно находятся подъ гнетомъ авторитета и съ покорностью судьбѣ несутъ свое ярмо; они изолированы другъ отъ друга, сидятъ каждый подъ смоковницей своей и не имѣютъ даже поползновенія сойтись съ сосѣдомъ, который тоже сидитъ подъ смоковницей. Для того, чтобы они признали силу свою, они

должны объединиться, а объединение может быть совершено только подбором единомышленников, т. е. опять таки распространением идей...“

Выступая, таким образом, против исключительного бунтарства и анархического отрицания организации, Михайловский был однако чужд и крайностей чистого пропагандизма тех лавристов, по отношению к которым даже сам их учитель П. К. Лавров должен был впоследствии заявить — подобно Марксу о своих учениках — что онъ „не лавристъ“... Н. К. не только не отрицалъ значенія революціонныхъ „поступковъ“, но еще подчеркивалъ и ревностно оправдывалъ съ моральной и политической точки зрѣнія нѣкоторые виды такихъ „поступковъ“, значеніе которыхъ вскорѣ послужило яблокомъ раздора среди русскихъ социалистовъ и раскололо „Землю и Волю“ на „Народную Волю“ и „Черный передѣлъ“.

Въ концѣ 1878 г.—въ этотъ рѣшительный моментъ исторіи нашего движенія, когда выстрѣлъ В. Засуличъ явился— быть можетъ, помимо сознанія ея самой — симптомомъ знаменательнаго поворота къ болѣе интенсивной борьбѣ— Михайловскій воспользовался, разумѣется, „отвлеченно-философской темой“ (объ этическихъ воззрѣніяхъ Дюринга), чтобы высказать нѣсколько мыслей о нравственной допустимости и обязательности самыхъ рѣзкихъ формъ „борьбы со зломъ“. „Бываютъ историческіе моменты, когда даже благороднѣйшіе люди, вынужденные борьбой съ представителями какой то „смѣси чловѣка со скотомъ“, прибѣгаютъ къ жестокимъ средствамъ и должны вслѣдствіе этого въ извѣстной мѣрѣ нравственно деградироваться“. Это надо прямо признать, ибо жизнь есть вещь суровая и часто жестокая, и въ ней нерѣдко приходится выбирать одно изъ двухъ золъ. Маниловскія представленія о томъ, будто въ жизни все „добро зѣло“, нужно отбросить. „Подобныя ложныя представленія отнимаютъ энергію въ жизненной борьбѣ, которая неизбежна“. „Разъ обида нанесена, разъ насиліе совершено, надо видѣть во врагъ врага, причѣмъ оказываются дозволенными орудія хитрости и насилія“. Человѣческая жизнь —всякая человѣческая жизнь — конечно, дорога, но когда

ея носитель превращается въ простое орудіе нашего угнетенія, въ „обезчеловѣченную машину“ — то „съ ней слѣдуетъ поступить такъ же, какъ мы вообще поступаемъ съ наносящими намъ вредъ орудіями — мы ихъ уничтожаемъ или какъ нибудь убираемъ съ дороги“. И если такая личность подвергается насилію — то „она только пожинаетъ плоды собственной несправедливости“. „Зло существуетъ, и съ нимъ надо бороться — бороться иногда жестокими — даже террористическими средствами...“

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, была политическая позиція занятая Н. К. Михайловскимъ, какъ знаменосцемъ революціоннаго поколѣнія 70-хъ годовъ въ легальной литературѣ.

II.

Въ 70-хъ годахъ мы видѣли Михайловскаго въ его публицистической дѣятельности занятымъ главнымъ образомъ тщательной разработкой идеи „интересовъ народа“ въ смыслѣ совокупности трудящихся классовъ, и войной на два фронта — съ одной стороны, противъ теченій, подмѣнявшихъ интересы народа формулами національнаго богатства, самобытно-русскаго развитія, государственнаго величія и т. п.; съ другой стороны — противъ идолопоклонства передъ данными „мнѣніями народа“, передъ даннымъ уровнемъ его сознанныхъ, непосредственно имъ прочувствованныхъ потребностей. Логическое развитіе въ этой идейной, а параллельно ей въ жизненной борьбѣ, уже къ концу семидесятыхъ годовъ выдвинуло новыя задачи, попытки разрѣшенія которыхъ списали въ лѣтописи начала слѣдующаго десятилѣтія рядъ врагическихъ, кровавыхъ страницъ. На очередь самую жизнь тѣль выдвинуть вопросъ о политической свободѣ, о непосредственной борьбѣ за нее и объ отношеніи этой борьбы къ основнымъ интересамъ трудовыхъ и эксплуатируемыхъ массъ.

Извѣстно, сколько застарѣлыхъ предубѣжденій было связано въ умахъ многихъ социалистовъ-народниковъ съ этимъ жгучимъ вопросомъ. На Западѣ политическая свобода была

завоевана буржуазіей, и это завоеваніе знаменовало эпоху безраздѣльнаго господства буржуазіи. На баррикадахъ дрались рабочія массы, но онѣ вынесли къ власти на собственныхъ хребтахъ новыхъ господъ, новыхъ своихъ поработителей. Неужели русскіе социаллисты должны признать въ этомъ историческій фатумъ, неужели они должны идти и звать за собой массы, чтобы вытащить каштаны изъ огня для буржуазіи? На этотъ вопросъ не могло быть иного отвѣта, кромѣ отрицательнаго. А такъ какъ по аналогіи съ Западомъ было рѣшено, что политическая свобода можетъ пойти лишь на пользу буржуазіи, то отсюда и слѣдовалъ выводъ: нельзя на очередь ставить непосредственную борьбу противъ самодержавія; на очереди должна стоять революція рабочихъ массъ, въ одно и то же время въ одинаковой мѣрѣ направленная противъ всѣхъ дирижирующихъ классовъ.

Въ связи съ этимъ стоялъ другой вопросъ. Въ экономической жизни Россіи оказались задатки самобытнаго развитія, которыми социалистическая мысль дорожила и не могла не дорожить. Въ крестьянскихъ массахъ народники замѣчали отсутствіе выработанныхъ традицій частной собственности, традицій, которыя вѣками прививались къ западноевропейскому крестьянству и такъ затруднили доступъ социалистическимъ идеямъ въ европейскую деревню. Наше крестьянство практиковало, хотя и изуродованныя вмѣшательствомъ государства, формы уравнительнаго пользованія землей подъ верховнымъ контролемъ всего „міра“; оно, въ связи съ этимъ, готово было смотрѣть на землю, какъ на „ничью“, какъ на общее достояніе трудящихся. И если во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ Россія оказывалась отставшей, обдѣленной судьбой, то какъ же было не прилѣпиться душой хоть къ этому благоприятному историческому наслѣдію? Какъ не стремиться къ тому, чтобы спасти и утилизировать въ интересахъ социализма эти драгоценныя черты общинной, трудовой народной правды? Но здѣсь то и возникалъ новый больной и тревожный вопросъ: если Россія пройдетъ черезъ буржуазно-конституціонный фазисъ развитія, не вырветъ ли онъ съ борнемъ этихъ здоровыхъ побѣговъ, не задушитъ ли онъ ихъ бурьяномъ и чертополохомъ индивидуализма и собствен-